

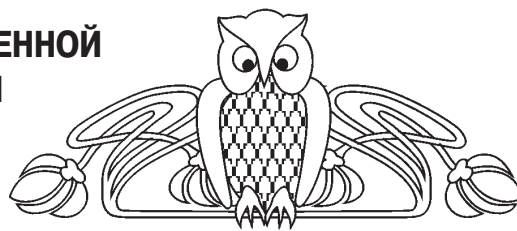

УДК 338

СУБЪЕКТИВНЫЙ ФАКТОР ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Н. И. Шестов

Саратовский государственный университет
E-mail: nikshestov@mail.ru

В статье анализируются возможности оптимизации современных научных представлений о стратегии обеспечения продовольственной безопасности России в той ее части, в которой реализация этой стратегии находится под воздействием субъективного фактора. Предложены подходы к концептуализации субъективного фактора политики продовольственной безопасности.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, аграрная политика, российское общество.

The Subjective Factor of Food Security in Modern Russia

N. I. Shestov

The article analyzes the possibilities of optimization of modern scientific concepts of the food security strategy in Russia in the part of it, in which the implementation of this strategy is under the influence of the subjective factor. The approaches to the conceptualization of the subjective factor in food security policy are proposed.

Key words: food security, agricultural policy, Russian society.

Санкции в отношении России со стороны США, стран Евросоюза, некоторых других государств (Канада, Япония, Австралия), коснувшись в числе прочего и поставок продовольствия в нашу страну, довели проблему продовольственной безопасности страны до того критического уровня, при котором ни элитам, ни обществу отступать в ее осмыслении и решении уже некуда. Ситуация, если принять во внимание доминирующий дискурс обсуждения проблемы в СМИ и на самом «высоком» официальном уровне, выглядит так: или заместим дефицит импортного продовольствия на свои, отечественные продукты питания, или будем действительно в положении «школьника», которого более мудрые и сильные, более демократически воспитанные «сородичи» по мировой политике наказывают за неразумное поведение и непослушание. Возможно, именно такая конфигурация проблемы, как ни парадоксально это прозвучит, обусловила и общую доминирующую оптимистичность прогнозов, которые относительно ее решения дают патриотически настроенные отечественные специалисты.

Они сегодня предпочитают не политизировать проблему и смотреть на нее преимущественно в экономическом и организационном ракурсах. Потому что именно такие ракурсы дают все основания для оптимизма. Действительно, все выглядит так, что население России и без импортного продовольствия в ближайшие годы

будет чувствовать себя вполне благополучно. Проблема продовольственной безопасности начала всерьез рассматриваться отечественными аналитиками именно с политической стороны в последние лет пять. Знаковым событием в этом отношении стало принятие «Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации»¹, определившей количественные и качественные рубежи наращивания производства продуктов питания в нашей стране. И в течение этого времени постоянно появлялись экспертные оценки успехов и недочетов в развитии российского аграрного сектора, ориентированные на чисто статистические показатели.

Оценки, основанные на данных аграрной статистики, и показатели по перерабатывающим производствам различались уровнем оптимизма их авторов. Пока не было внешнеэкономических санкций, направленных против России, пока была просто «конкуренция на мировых рынках продовольствия» и в реальной «продуктовой корзине» рядового гражданина бок о бок лежали отечественные и импортные продукты, эксперты свободнее оперировали статистическими показателями успехов российского сельского хозяйства и градус оптимизма был повыше, чем это можно наблюдать сегодня. Имели место, например, такого рода экспертные оценки статистических показателей по российскому аграрному сектору: «В 2012 году уровень потребления на человека в год только за счет собственного производства превысил общий уровень потребления 2005 года вместе с импортом. Резюме: что бы ни кричали всёпропальщики, от голода мы точно не умрем. Наоборот, как бы тут не растолстеть с такими тенденциями»².

По мере того как в течение первой половины 2014 г. в «продуктовой корзине» среднестатистического российского гражданина импортных продуктов становилось все меньше, росло и понимание аналитиками, что в «корзине» должен лежать реальный съедобный продукт, а не статистический показатель, от которого точно никто не «растолстеет». Соответственно, осторожнее и критичнее становились и экспертные оценки. «В программе развития АПК на 2013–2020 годы, – говорится, в частности, в одном из экспертных заключений по нынешнему состоянию молочной отрасли в РФ, – была поставлена амбициозная цель повышения удельного веса российских

продовольственных товаров по молоку и молокопродуктам до 90,2%. (Это также закреплено в принятой чуть ранее Доктрине продовольственной безопасности.) Уже сейчас можно говорить о том, что, начиная отсчет с нынешних примерно 55% отечественной продукции на рынке (сейчас не говорим о качестве) при зафиксированном в прошлом году снижении объемов производства молока, эта цель вызывает лишь грустную улыбку»³.

Но в целом оптимизм отечественных экспертов не покидал: «Санкции – это, конечно, плохо. – пишет в Интернете отечественный бизнесмен, создатель одной из сетей быстрого питания. – Но российскому бизнесу они дают крайне нужный стимул заняться наконец своей эффективностью, на которую долго время все просто закрывали глаза. Рост экономики нас избаловал. Мы давно разучились считать копейки, занимаясь развитием. Для нас в России все эти годы построить что-нибудь было важнее, чем хорошо наладить работу того, что уже есть. В результате по производительности труда мы по-прежнему катастрофически отстаем от Запада»⁴. Довольно часто в течение последнего года ту же мысль, что санкции несут не только урон отечественной экономике, но и будут непременно стимулировать ее рост, озвучивали в своих публичных выступлениях партийные лидеры и государственные деятели самого высокого ранга. Так что такой подход к проблеме продовольственной безопасности, можно сказать, обладает официальной санкцией.

Не лишено осторожного оптимизма и заключение другого эксперта, тщательно посчитавшего, сколько в стране на сегодняшний день производится, перерабатывается и доходит до реального потребителя мяса, молока, хлебобулочных изделий, яиц, круп и т. д. и сколько чего реально недостает в этой самой «потребительской корзине»: «Таким образом, можно заключить, что миф о деградации сельского хозяйства за время «правления Путина» изрядно преувеличен. Также мы можем наблюдать, что дефицит продуктов России ни при каком раскладе не грозит, и что даже депрессивные (в пищевом смысле) регионы могут быть обеспечены продуктами питания за счет излишков в регионах-донорах. Снижение производства продуктов в указанный период в депрессивных регионах вызвано в основном процессами урбанизации и переводом сельскохозяйственных земель под другие нужды»⁵ (курсив наш. – Н. Ш.).

Я специально выделил курсивом эти две детали. Как еще верно замечали «ведущие аналитики» европейского средневековья – инквизиторы: «Дьявол кроется в деталях!». Проблема, если вдуматься в логику цитированного текста, из статистико-экономической плоскости переходит в плоскость административно-правовую: есть депрессивные регионы, перераспределить в

пользу которых свои запасы («излишки») продовольствия регионы-доноры, судя по всему, будут вынуждены не столько под влиянием рыночной конъюнктуры, сколько подчиняясь общегосударственным интересам и требованиям структур государственного управления. Тот, у кого товар есть, и тот, у кого товара нет, – не рыночные конкуренты. Они – монополист-продавец и покупатель, находящийся в полной зависимости от монополиста. По крайней мере, до той поры, пока в их процедуры купли-продажи не вмешается государство и не принудит административно-правовыми способами монополиста-продавца быть лояльнее интересам покупателя как гражданина того же, что и для покупателя, государства и перераспределить свои ресурсы в его пользу. И появляется (в оптимистическом, в целом, прогнозе) упоминание о неких сельхозугодьях, кем-то и когда-то переданных под какие-то «другие нужды».

Если посмотреть аналитику второй половины 2014 г., то оказывается, что это очень важная «деталь». Потому что здесь проблема продовольственной безопасности страны приобретает уже не формально-статистическое, а реальные правовое и даже социальное измерения. На очень авторитетном и представительном по составу участников 6-м Международном форуме «Продовольственная безопасность» (Форум специалистов агропромышленной отрасли. 18–19 ноября 2013 г., С.-Петербург) проблема «других нужд» была конкретизирована: «Заброшенные поля надо возвращать в сельхозоборот, а не застраивать новыми домами. По данным экспертов, выступивших сегодня на Международном форуме “Продовольственная безопасность”, 30 млн гектаров посевных площадей в стране не используются. А тех, на которых ведутся работы, просто не хватает, чтобы удовлетворить потребность страны в сельхозпродукции. Уровень производства не растет, а вот цены постоянно поднимаются. В таких условиях обеспечить продовольственную независимость страны, а именно эта задача поставлена правительством, вряд ли возможно. Непросто будет и вернуть заброшенные пашни крестьянам»⁶.

Эксперты известного в России и за рубежом интеллектуального сообщества – «Изборского клуба» – акцентируют внимание отечественных специалистов по аграрной проблематике еще на одной «детали». На землях, задействованных в производстве продовольствия, вполне можно собирать неплохие урожаи. Но эксперты клуба отмечают: «В то же время сегодня значительная часть – по разным оценкам, от 40% до 45% отечественного зернового рынка – находится под контролем иностранных компаний: Bunge Limited, Cargill Inc., Glencore Int. AG, Louis Dreyfus Group, Nestle S. A. и других»⁷. А это уже не вопрос статистики, и даже не правовой вопрос.

Это вопрос субъективного фактора политики обеспечения продовольственной безопасно-

сти страны. Иначе говоря, качества той среды, в которой, судя по всему, и будет разворачиваться борьба за продовольственную безопасность страны. Есть ли, в принципе, сегодня в российском селе тот самый «крестьянин», который готов проявить повышенную активность, повышенное сочувствие политическим интересам государства и жизненным интересам городских жителей, мобилизовать все наличные ресурсы и быстро заполнить бреши в продовольственном рынке от исчезающего импорта своими продуктами питания – это вопрос отдельный. Он нуждается в самостоятельном и желателно комплексном исследовании усилиями социологов, политологов и экономистов. Более очевидна в свете экспертных оценок, приведенных выше, другая проблема: будет ли этот самый крестьянин, на патриотический порыв которого сегодня возлагается всеми столько надежд, в своей борьбе за продовольственную безопасность страны сам чувствовать себя в безопасности? В безопасности от иностранных конкурентов, хозяйствующих бок о бок с ним в гораздо лучших, чем у российского крестьянина, финансовых и правовых условиях. В безопасности от изъятий пахотных угодий под «нецелевое» использование.

Если будет сельхозпроизводитель чувствовать себя в безопасности от неконтролируемых им самим рисков, то можно надеяться на пробуждение его патриотического энтузиазма и на то, что масштабные финансовые вливания в российский аграрный сектор (за девять месяцев этого года 91 млрд руб. из федерального бюджета и 45 млрд руб. из региональных бюджетов, плюс еще 67 млрд из региональных бюджетов до конца года, по заявлению главы Минсельхоза Н. Федорова)⁸ будут действительно инвестициями в обеспечение продовольственной безопасности. Не будет у сельхозпроизводителя такого ощущения своей огражденности государством от таких рисков и угроз – финансовые вливания останутся простым очередным материальным вспомоществованием сельским жителям со стороны государства. Сельхозпроизводители потратят эти деньги как раз на обеспечение собственной безопасности в качестве субъектов, действующих на очень структурно сложном и рискованном российском рынке продовольствия.

Проблема «безопасности» никогда не сводилась и не может быть сведена к формальным количественным показателям. «Безопасность», это, прежде всего, субъективное ощущение себя застрахованным от случайностей в современном рискогенном мире, в котором даже «обладание всем» не избавляет его, человека, от постоянного страха потерять многое или даже «потерять все». Для современного человека своеобразной гарантией ответственного отношения государства и общества к его интересам и нуждам, в том числе в сфере продовольственной безопасности, выступает соблюдение ими принципа

справедливости при осуществлении инвестиций в сельское хозяйство, распределении их между производителями, назначении цены на топливо, электроэнергию, землю и удобрения, саму произведенную и продаваемую сельхозпродукцию.

С учетом того, что общественное сознание может признать или не признать какие-то действия государства справедливыми, проблема субъективного фактора политики обеспечения продовольственной безопасности приобретает другое измерение. В этом измерении важным становится ощущение своей безопасности уже российским обществом в целом, как субъектом этой самой политики. Вряд ли сегодня чувствуют себя и свои семьи в безопасности те 85% респондентов, которые, согласно одному из последних опросов ВЦИОМ, заметили, что за последние два месяца цены на продукты, прежде всего мясные, существенно выросли⁹. Только каждый пятый из них винит в этом внешние санкции. Остальные четверо из пяти, логично предположить, считают, что это российские государство и бизнес обходятся с ними несправедливо, используя санкции как повод для спекулятивного поднятия цен на продукты на внутреннем рынке.

При этом речь идет не только о росте цен на молоко, мясо, хлеб, другие продукты, которые являются базовыми в «продуктовой корзине» среднестатистического российского гражданина. В образовании «справедливых» цен на эти продукты питания государству, в принципе, не сложно вмешаться и получить одобрение такого вмешательства от своих граждан. Но такое вмешательство будет недостаточным для достижения стратегического результата – формирования в массовом сознании российских граждан устойчивой уверенности в завтрашнем дне. Устойчивость такой уверенности напрямую не связана с наличием в «продуктовой корзине» большего или меньшего количества базовых продуктов питания и даже в определенной мере с ценами на них. Она больше связана с тем, как в «продуктовой корзине» складывается связь «базовых» продуктов питания с теми продуктами, которые часто не присутствуют в повседневном рационе российского гражданина, но присутствуют в его сознании, в ряду его культурных ценностей в качестве маркеров «достойной», «человеческой» жизни.

Исторические аналогии тут представляются вполне уместными. Советский человек, например, в свое время ощущал свою социальную полноценность и защищенность не только потому, что по неизменным государственным ценам и без большой очереди мог купить нужное ему количество молока и куриных яиц. С мясными и некоторыми молочными продуктами (сыры, майонез, например) уже возникали серьезные проблемы в плане количества и качества, и это обстоятельство не лучшим образом влияло на отношение граждан к государству и его политике.

Но сама по себе нехватка даже тех продуктов, которые сегодня включаются специалистами в их экспертные оценки в качестве «базовых», не ставила под сомнение полноценную социальность человека, естественность его включенности в ту систему социальных связей и ценностных установок, в которой он как личность мог чувствовать себя относительно комфортно и безопасно. Советский человек ощущал себя именно «человеком», если мог, например, «достать» (это понятие имело очень широкий смысл) и в праздничный день поставить перед гостями и родственниками на стол банку шпрот, салат оливье с вареной колбасой проблемного качества, еще более проблемного качества зеленые бананы, шоколадные конфеты. Все это отсутствовало в его повседневной «продуктовой корзине», но повседневно присутствовало в его культурном коде, в той его части, которая отвечала за ощущение собственного достоинства и безопасности. Количество и даже качество того, чем советский человек питался каждый день, было, может быть, и выше качества того, что стояло на праздничном столе, но эти продукты служили для советского гражданина убедительным аргументом в пользу того, что он живет «не хуже других».

Постсоветское российское общество сохранило многие свойства общества советского, особенно в культурных основаниях. По аналогии можно предположить, что и сегодня, когда российский гражданин заглядывает в свою «продуктовую корзину» и определяет для себя, условно говоря, лимит продовольственной безопасности, он ориентируется не только и, может быть, даже не столько на те показатели, которые являются необходимыми и достаточными для отечественных научных экспертов. Он больше ориентируется на социальный стандарт «нормальной жизни», одним из параметров которого является возможность потреблять некие «знаковые» продукты питания. Стандарт этот эволюционирует во времени и различается в разных частях огромного российского социокультурного пространства, а потому нуждается в изучении средствами разных наук. Подсчет урожаев зерновых и надоев молока, прироста производства говядины и свинины – это хорошо. Но, может быть, имеет смысл обратить внимание на то, что (перефразируя известную поговорку) не единым хлебом, молоком и мясом жив современный российский гражданин. Что в ряду обязательных продуктов, определяющих сегодня социальный стандарт «нормальной жизни», присутствует много чего другого. В больших городах это могут быть такие импортные продукты, создать аналоги которых отечественным производителям будет трудно или даже невозможно. Россия – страна с разнообразными региональными культурными традициями. Для каких-то регионов, например, показатели валового прироста производства свинины или вылова рыбы на самом деле никак не будут

характеризовать уровень обеспечения продовольственной безопасности населения. Потому что население этих регионов данные продукты просто не потребляет, а потребляет другие продукты, входящие, так сказать, в региональный стандарт «нормальной» жизни. Все эти нюансы имеют смысл принять во внимание, раз речь идет именно о политике обеспечения продовольственной безопасности, и политика эта должна реализовываться в масштабах всей страны.

Технически возможно, если судить по оптимизму экспертов, в ближайшие годы накопить в стране большие запасы продовольствия. Но без учета субъективного фактора есть вероятность не добиться полноценного результата именно в том, что касается *политики продовольственной безопасности*. Не состоится политика, т. е. взаимопонимание и конструктивное взаимодействие власти и общества, если российский гражданин, глядя на большие запасы продовольствия, будет понимать, что чего-то принципиально важного для его нормального повседневного самочувствия среди этих запасов нет, если он будет чувствовать, что для него остается риск в любой момент перейти от «человеческого» образа жизни к простому физическому выживанию.

Конечно, реальный масштаб проблемы субъективного фактора политики обеспечения продовольственной безопасности намного шире тех ее аспектов, которые были затронуты в данной публикации. Самостоятельным предметом научного анализа может и должна быть правовая составляющая этой политики. Нетрудно предположить, что отношение к ней российских граждан, как на селе, так и в городе, будет определяться не только принятием хороших правил «игры» на рынке продовольствия государственных и частных производителей, переработчиков, продавцов и потребителей сельхозпродукции. Отношение будет определяться понятностью и стабильностью этих правил, возможностью для участников политики продовольственной безопасности прогнозировать изменения правил, если таковые будут неизбежны, и готовиться к таким переменам.

Самостоятельным и масштабным предметом анализа является проблема направленности культурных процессов в современном российском селе. Наша страна имеет опыт нэповской политики и политики коллективизации. Обе они, в сущности, тоже были моделями политики обеспечения продовольственной безопасности страны, накопления ресурсов для модернизации экономики. Этот опыт наглядно показывает, что политика обеспечения продовольственной безопасности может быть выстроена в русле культурных процессов, идущих на селе, а может быть выстроена и в противоречии с этими процессами. Много зависит в данном случае как раз от того, как сущность таких культурных процессов будет понята участниками политики обеспечения продовольственной безопасности.

Примечания

- ¹ Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации : утв. Указом Президента РФ от 30 января 2010 г. № 120. URL: <http://www.mcx.ru/documents/document/show/12214.19.htm> (дата обращения: 28.10.2014).
- ² Продовольственная безопасность России 2013. URL: <http://voprosik.net/prodovolstvennaya-bezopasnost-rossii-2013/> (дата обращения: 05.09.2014).
- ³ Молочная недостаточность. Проблема продовольственной безопасности остается важнейшей для страны. Текст: Михаил Брейтман (президент компании ДМС, Белгород), Андрей Яровой (член Совета директоров ЗАО «Мелеузовский молочноконсервный комбинат», Уфа) // Рос. газ. 14.04.2014. URL: <http://www.rg.ru/2014/04/14/moloko.html> (дата обращения: 14.04.2014).
- ⁴ Федор Овчинников. Все стало хуже и дороже. Почему это хорошо? URL: http://daily.rbc.ru/opinions/business/14/10/2014/543d06ebcbb20fd89fc615b6?utm_source=news&utm_medium=news&utm_campaign=news_mail2 (дата обращения: 15.10.2014).
- ⁵ Продовольственная безопасность России. URL: <http://oglavnom.pf/prodovolstvennaya-bezopasnost-rossii/> (дата обращения: 10.09.2014).
- ⁶ 6-й Международный форум «Продовольственная безопасность». Форум специалистов агропромышленной отрасли. 18–19 ноября 2013, г. С.-Петербург. URL: <http://www.tv100.ru/news/ne-stroit-seyat-83660/> (дата обращения: 19.09.2014).
- ⁷ О продовольственной безопасности России. Доклад группы экспертов Изборского клуба под руководством академика РАН С. Ю. Глазьева. URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/1725/> (дата обращения: 19.09.2014).
- ⁸ См.: РИА НОВОСТИ. URL: <http://ria.ru/economy/20141009/1027593750.html#14128500980454&message=resize&relto=login&action=removeClass&value=registration> (дата обращения: 09.10.2014).
- ⁹ См.: Граждане в обиде. Западные санкции достигли предела своей эффективности // Газета. ru. 2014. 17 окт. URL: <http://www.infox.sg/politics/frame/zapadnye-sankcii-dostigli-predela-svoey-effektivnosti/> (дата обращения: 17.10.2014).

УДК 32:001.8

ОТКРЫТЫЕ МЕХАНИЗМЫ ИНКОРПОРИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В СИСТЕМУ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ: РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

И. В. Мирошниченко

Кубанский государственный университет, Краснодар
E-mail: mirinna78@mail.ru

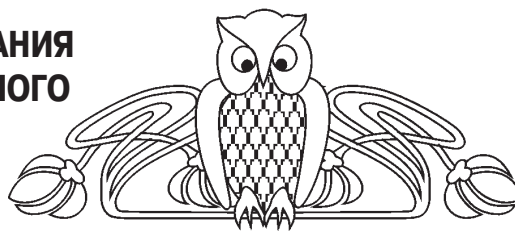
В статье определяется изменение роли социальных сетей в результате их инкорпорирования в систему публичного управления. Автор типологизирует и характеризует открытые механизмы инкорпорирования социальных сетей во властно-политическую и административно-управленческую подсистемы публичного управления. На основе исследования российских практик инкорпорирования социальных сетей оценивается их конструктивный потенциал для разрешения общественно значимых проблем и повышения эффективности публичного управления.

Ключевые слова: социальные сети, система публичного управления, открытые и латентные механизмы инкорпорирования, проблемные сети, межсекторное социальное партнерство, общественное и гражданское участие.

The Open Mechanisms of Social Networks Incorporation to the System of Public Administration: the Russian Experience

I. V. Miroshnichenko

The article defines the changing role of social networks as a result of their incorporation into the system of public administration. The author classifies and characterizes the open mechanisms of social networks incorporating to power-political and administrative subsystems of public administration. Based on a study of Russian practices of social networks incorporating the research assesses networks potential

for constructive resolution of socially significant problems and improvement of public administration.

Key words: social networks, system of public administration, public and latent mechanisms of incorporating, problem networks, intersectoral social partnership, social and civic participation.

Процессы принятия публичных решений как в глобальном контексте, так и общероссийском непосредственно связаны с различными по содержанию механизмами инкорпорирования социальных сетей в систему публичного управления, которая имеет сложную организационно-коммуникативную конфигурацию. Публичное управление в пространстве публичной политики рассматривается как целеориентированная, управляемая, комплексная и организованная совместная деятельность индивидов и их групп по легитимному разрешению общественных проблем при руководящей интегративной роли институтов государственной власти на основе использования коллективных ресурсов общества, которая включает в себя совокупность публичных целей и задач, условий и норм, решений и действий, а также их социальных результатов и последствий¹.